

М.А. МАНУИЛЬСКИЙ

ИДЕНТИЧНОСТЬ КАК МОДУС ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ ПРИРОДЫ

Мануильский Максим Анатольевич — кандидат философских наук, зам. главного редактора «Социологического журнала», старший научный сотрудник.

Институт социологии РАН.

Российская Федерация, 117218 Москва, ул. Крижановского, д. 24/35, корп. 5;

электронная почта: manuilskiy@mail.ru

Аннотация. Предпринимается попытка рассмотреть роль идентичности как составной части человеческой природы. Основанием для этого служит принципиальная способность человека задумываться о своем предназначении. Идентичность понимается как многосоставный антропологический феномен, организованный по иерархическому принципу. Система элементов отражает жизненный мир человека и включает идентичности: родовую; гендерную (мужскую / женскую); национальную (этническую); конфессиональную; поколенческую; семейно-родственную; гражданскую; профессиональную (трудовую); экзистенциально-креативную. Основное внимание уделено пограничным, «стыковым» параметрам элементов и их когерентности с основополагающей формой — родовой идентичностью. Рассматриваются малоисследованные аспекты поколенческой идентичности (представление о жизненном пути как о ее ядре), гражданской идентичности (в центре которой потребность чувствовать себя укорененным в определенном культурно-историческом пространстве), профессиональной идентичности (следствием преобразовательной активности человека является его превращение в артефакт), экзистенциально-креативной идентичности, которая трактуется как источник аутопоэзиса. Делается вывод о том, что

постановка в ходе эволюции представителем вида *Ното* вопроса об идентичности означала рубеж, разделяющий предчеловеческое существо от существа, наделенного человеческой природой.

Ключевые слова: природа человека, идентичность, модерн, артефакт, аутопозис, гендерная идентичность, иерархия, жизненный мир

Ссылка для цитирования: Мануильский М.А. Идентичность как модус человеческой природы // Человек. 2019. Т. 30. № 1. С. 29–44. DOI: 10.31857/S023620070003020-9

Приписываемая Диогену Синопскому Диогеном Лаэртским фраза «Ищу человека» вот уже более двух тысячелетий притягивает интеллектуалов к теме, в чем заключается идентичность человека. Не сущность, а именно идентичность, то есть как индивид, личность себя позиционирует в многообразии составляющих социум групп, с какими из них в той или иной степени себя ассоциирует. На первый взгляд, заявленная формулировка темы правомерна. Человеку свойственно отождествлять себя с какими-то предметами, действующими субъектами окружающего мира: в архаические времена это были животные — покровители, защитники рода (племени). Сегодня — это декларируемая индивидом принадлежность к различным социальным группам: политическим, национальным, профессиональным, гендерным. Вместе с тем сам термин трактуется неоднозначно. Понятие «идентичность» может быть применимо только к индивидам, тогда как к нациям, странам и т.д. — лишь в переносном, метафорическом смысле. Именно в таком контексте в работах современных социологов, политологов, социальных философов рассматриваемое понятие используется чаще всего» [10]. Некоторые авторы настаивают на равнозначности форм идентичности [11].

Конструкт «человеческая природа / природа человека» за последнее время также претерпел существенные изменения. Еще пару десятилетий назад считалось, что это сущностные характеристики человека, наличие которых позволяет говорить о его несводимости ко всем иным формам и родам бытия. Известная ясность была достигнута, когда речь шла об операционализации конкретных характеристик человека как биосоциального существа. *Ното sapiens* отличают прямохождение, орудийная деятельность, язык, мышление. Эти и другие черты приобретены людьми в процессе эволюции. Но какие атрибуты присущи человеку на всех этапах развития, во все времена?

На наш взгляд, эвристически наиболее перспективной является точка зрения, согласно которой человек «это особого рода существо, которое, в отличие от других, озабочено вопросом о

смысле своего существования» [8, с. 5]. «Если у человека и есть какой-либо “центр”, какая-то сохраняющаяся при всех исторических изменениях “сущность” или “идентичность”, то подобного рода центр как раз и занимает эта проблема, на протяжении веков озадачивающая человека» [там же]. Иными словами, идентичность необходимо рассматривать как неотъемлемый модус человеческой природы. Вместе с тем интеграция идентичности с человеческой природой требует специального рассмотрения.

Начнем с того, что рассматриваемый феномен появился в интеллектуальном арсенале человека относительно недавно. Первой формой идентичности была инициация — важнейший обряд, который возник в архаических обществах. Идентичностью своего рода следует считать представления о макрокосме и микрокосме, сформировавшиеся в античной натурфилософии. Их характерной чертой, присущей и последующим формам идентичности, надо считать когерентность конструируемых характеристик субъекта с окружающим миром.

В поисках себя

Сегодняшнему пониманию идентичности как сложного феномена мы обязаны модерну. По словам Ж.-Ф. Лиотара, «современность... допустила раскол жизненной целостности на независимые специальности, представленные узкой компетенцией экспертов» [5, с. 13]. По мнению Э. Гидденса, условиями современности люди вовлекаются в самостоятельный поиск самих себя [цит. по: там же, с. 52]. Модерн стимулировал образование в недрах классической просвещенческой модели (Я-концепция) нового конструкта — системы (совокупности) идентичностей.

Первые теоретические модели идентичности были, как известно, предложены Дж. Локком, Д. Юмом, И. Кантом. Юм связывал существование феномена с памятью. Я бы добавил и смежный элемент — воображение, поскольку сегодня считается, что идентичности конструируются. Кант выдвинул фундаментальную идею об идентичности как ощущении самости. «Человек может осознавать [происходящие] изменения только потому, что в различных состояниях он представляет себя как один и тот же субъект» [2, с. 365]. Логическое завершение этот подход получил в представлении об идентичности как о самотождественности. «Идентичность формирует индивиду траекторию прохождения через разные институциональные установления в течение всего жизненного цикла» [5, с. 52].

Трактовка идентичности в качестве фактора, обеспечивающего целостность личности, сыграла важнейшую роль в формировании рассматриваемого концепта. Вместе с тем атрибут целостности «по умолчанию» препятствовал анализу многооб-

разия феномена, его внутренней дифференциации. Это особенно стало понятно с разработкой современной Я-концепции [1]. Постулирование трех «я» (реального, зеркального и идеального) логически требовало выделять в идентичности относительно самостоятельные подсистемы. Наглядно и убедительно это продемонстрировал Э. Берн, предложив различать в жизненном цикле развития три основополагающих идентичности: родитель, взрослый, ребенок. Сегодня подобный дифференцирующий подход становится доминирующим. «Лакан... считает, что нет стабильного Я. Индивид — не целостный субъект, а фрагментированный “индивид”» [5, с. 52].

Последовательно опираясь на такую дифференцирующую оптику, целесообразно считать в качестве критериев построения системы идентичности личности ее ролевые предписания и статусы в обществе, ибо набор этих социально-культурных параметров исчерпывающе описывает социум, в котором только и может подлинно проявить себя человеческая природа¹. В своей действительности человек и вправду есть совокупность общественных отношений².

По нашему мнению, идентичность — это самохарактеристика индивида/индивидов, включающая ролевые предписания (в том числе требуемые для их выполнения качества, навыки, задатки) и статусы (самоотождествление субъекта с определенной группой, обладающей правами, обязанностями и символическим капиталом). Помимо рациональных конструктов идентичность может включать мифологические построения, эмоциональные оценки, сопровождаться переживаниями.

Одним из наиболее дискуссионных вопросов выступает проблема соотношения *индивидуальной* и *коллективной* идентичностей. С одной стороны, правы те, кто утверждает, что основой идентичности индивида являются значимые другие. Ясно, что вне наличия других, то есть общества, говорить о существовании идентичности даже автономного субъекта (например, Робинзона Крузо) не имеет смысла. Важно, с какими другими индивид себя самоотождествляет. И здесь не имеет значения, позиционирует ли свою принадлежность к группе индивид или общность. С другой стороны, невозможно пройти мимо таких слагаемых самоотождественности личности, как нареченное имя или реальная автобиография. Ощущение своей *уникальности*, строго говоря, не является идентичностью, таковой выступает ощущение своей принадлежности к *множественности*. На наш взгляд, дилемма коллективного и индивидуального подменяет проблему идентичности извечным вопросом социологии: что первично — курица

¹ Концепция «робинзонады» делает статусно-ролевую парадигму только более выпуклой.

² В немецком оригинале — *ансамбль* общественных отношений, то есть содержится указание на потенциальную гармонию.

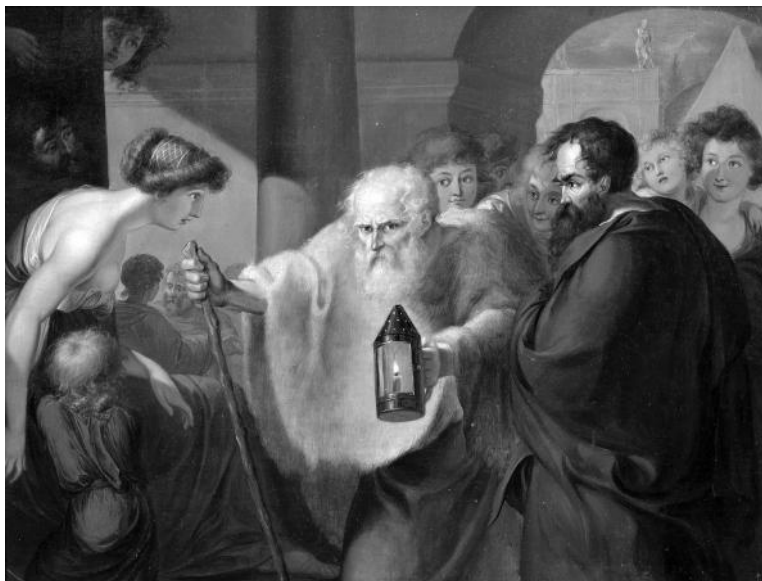
или яйцо, индивид или общество? Но эта нерешаемая в принципе теорема касается источников возникновения, функционирования и развития общества. По отношению к ней тема идентичности вторична и относительно самостоятельна. Речь в данном случае идет о поиске источников формирования идентичности: являются ли таковыми факты личной биографии

или институциональные конструкты? Различия в происхождении слагаемых идентичности влияют опосредованно, они воздействуют прежде всего на устойчивость взглядов и установок. Вот как эту проблему формулирует один из авторитетных специалистов: «Аналитически в теории Гофмана выделяются три вида идентичности: 1) социальная идентичность — типизация личности другими людьми на основе атрибутов социальной группы, к которой она принадлежит; 2) личностная идентичность — уникальные признаки, сформулированные уникальной комбинацией событий в истории жизни; 3) Я-идентичность — субъективное ощущение индивидом своеобразия собственной ситуации» [5, с. 51]³. По нашему мнению, образно идентичность можно представить в виде перевернутого айсберга: большая, надводная его часть — публично демонстрируемая индивидом позиция, меньшая, подводная часть — соображения и интенции преимущественно интимного свойства.

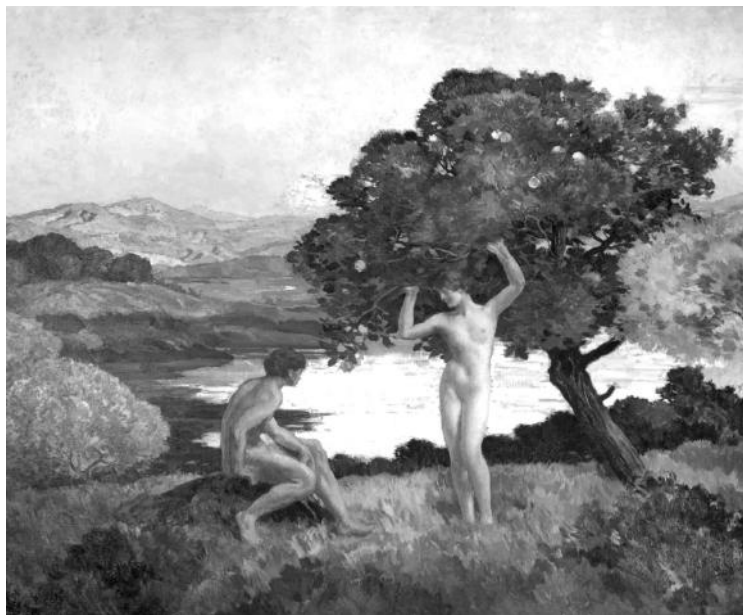
От абстрактного к конкретному

Многообразие репертуара идентичностей — общепризнанный факт. Дискуссионным является вопрос об их взаимодействии, об их системе как антропологическом феномене. Взаимодействие элементов имеет три основные конфигурации — иерархия, диалог и возникшая недавно программа синергетики (порядок

³ В приведенной схеме социальная идентичность рассматривается как мнение коллективного «мы» об индивиде, произвольно причисленного к некоей группе. Но это тема отдельного разговора.

**Иоганн Генрих
Вильгельм
Тишбейн**
Диоген искал
человека.
1780-е годы

Эмиль-Рене
Менар
Адам и Ева. 1923

из хаоса)⁴. На наш взгляд, система идентичностей должна строиться по иерархическому принципу. Подобная точка зрения декларируется и в Российской энциклопедии: «Каждый человек обладает несколькими разными... идентичностями. Это создает в сложных обществах проблему индивидуальной идентичности или самости, т.е. интеграции и иерархизации разных социальных ролей индивида в

его самосознании». Кстати, именно иерархическая конфигурация обеспечивает, по нашему мнению, подлинную целостность идентичности человека.

Система идентичностей как антропологический феномен — существенно более узкий конструкт, нежели совокупность идентичностей индивида; последняя отражает репертуар социальных предписаний, образующий социум. Набор «антропологических» идентичностей — это, по сути, *жизненный мир* индивида как область непосредственных очевидностей, которые переживаются человеком в качестве элементов повседневности. Его образуют следующие константы: собственно Я (субъект с его представлениями о предназначении человека); семейная жизнь, включая родственников, близких; сфера труда, производства средств к существованию; пространство существования индивида как гражданина; сфера свободного времени, отдыха/праздников, религиозная жизнь. Соответственно идентичность как антропологический феномен составляют идентичности: родовая, гендерная (мужская/женская), национальная (этническая), конфессиональная, поколенческая, семейно-родственная, гражданская, профессиональная (трудовая), экзистенциально-рекреационная.

⁴ Применительно к теме обозначенная парадигма открывает существенные эвристические возможности. «Подход [Б.Г. Юдина] к проблеме человека концептуализирует фундаментальную неопределенность и нестабильность человеческого бытия, включает в него эффекты становления. В концепции *антропогенных фазовых переходов* он описывает *нестабильные* границы человека как природного существа, постепенно *становящегося* собственным *артефактом*, преодолевающая грань между искусственным и естественным» [8, с. 6]. Но упомянутое обстоятельство — тема отдельного разговора.

Ядро, стержень системы идентичностей образуют представления о человеческой сущности, о происхождении человека, его местоположении в окружающем мире (Космосе), о его предназначении в мире. В мифотворческом сознании эти представления приобретают форму вопросов: кто мы? откуда мы? куда мы? зачем мы?

Важнейшими слагаемыми родовой идентичности выступают представления о жизни и смерти, смысле жизни, судьбе, долге, ответственности. Одно из ключевых слагаемых рассматриваемого феномена — представление о добре и зле. Обычно они рассматриваются как оценочные категории, характеризующие положительные и отрицательные стороны деятельности. По моему мнению, при рассмотрении феномена идентичности небесполезно было бы усилить онтологический аспект данной дилеммы. Весьма полезным здесь может оказаться конструкт, предложенный С.В. Лурье для анализа менталитета, прежде всего национального [цит. по: 13, с. 51]. По мысли автора, его центральную зону составляет система следующих реперных точек:

- источники/сферы, где локализуется добро;
- источники/сферы, где локализуется зло;
- представление о способе действия, при котором добро побеждает зло.

Проиллюстрируем сказанное на примере Льва Толстого. Для него добро концентрируется в человеке. Как и Руссо, писатель считает, что человек по своей природе добр. Все зло идет от государства, которое является синонимом насилия. Как победить зло? Не борьбой и разрушением государства (это тоже насилие), а путем внутреннего самосовершенствования, придерживаясь принципа непротивления злу насилием. Многочисленные сторонники этой идеологии считали себя толстовцами. Правда, в одном пункте Лев Николаевич с ними расходился. Путь к самосовершенствованию лежал не через общины, в которые объединялись его последователи; работа над собой — процесс, по мысли Толстого, сугубо индивидуальный.

Возвращаясь к формальным моментам, подчеркнем: для родовой идентичности характерно практическое совпадение атрибутов роли и статуса. Признание человека венцом природы (творения⁵) налагает на *Homo sapiens* огромную ответственность и обязывает принимать максимум усилий для сбережения окружающего мира, а также рода человеческого.

Наконец, важнейшим атрибутом родовой идентичности выступает понимание человека как существа, наделенного свободой воли⁶. Именно последняя придает перечисленным выше пред-

⁵ Сторонниками креационизма.

⁶ Как не вспомнить здесь идею одного из основоположников философской антропологии Х. Плеснера о запрете формулировать «окончательные» определения природы человека, поскольку подобные определения ограничивают человеческую свободу.

ставлениям и идеям конфигурацию идентичности, то есть конструкта, выражающего приверженность субъекта выбранной альтернативе — человека, призванного делать добро, нашедшего в жизни смысл, следующего долгу и т.д.

Элементарное взаимодействие

Родовая идентичность — это своего рода абстракция, не имеющая эмпирических референтов. Первым осязаемым шагом в проживании родовой идентичности является гендерная идентичность.

В предыдущей статье автор, опираясь на существующие наработки, коснулся некоторых важнейших черт слагаемых «пирамиды» идентичностей [4, с. 32–42]. Эту работу предстоит продолжить: слишком велик разброс точек зрения на содержание и конфигурацию находящихся в мейнстриме идентичностей, например этнической. Сошлемся на слова академика В.А. Тишкова. Он полагает, что ее важнейшие современные формы «находятся в постоянном дрейфе, имеют как конструктивистскую, так и примордиальную природу, пребывают в постоянном соперничестве за собственную приоритетность, но чаще всего имеют множественный и не взаимоисключающий характер» [9, с. 74].

Поэтому в данной работе мы видим задачу в том, чтобы уточнить важнейшие характеристики исследуемого набора идентичностей, их пограничные параметры, а главное — акцентировать внимание на когерентности с основополагающей формой — родовой идентичностью.

Итак, родовая идентичность реализует, конкретизирует себя, прежде всего, в гендерной идентичности. Основные слагаемые рассматриваемой идентичности (ролевые предписания и статусы) многократно описаны. Перечислить созданное на данную тему сторонниками феминизма не представляется возможным. Мы сознательно обойдем вниманием этот дискурс и подчеркнем главное, на наш взгляд: основной смысл в дилемме мужское/женское — воспроизводство рода человеческого. Мысль справедливая и давно известная. Вместе с тем к жизненно важному постулату «плодитесь и размножайтесь» считаю необходимым добавить одно существенное слагаемое. Процесс воспроизводства человека будет протекать не только «в муках», он имеет непреодолимую экзистенциальную притягательность, волнует ощущением полноты жизни, ее таинственной неповторимости, выраженных в прекрасных словах Л. Пастернака: «И прелести твоей секрет разгадки жизни равносильна». Конечно, в данном случае не мешало бы сказать и о фундаментальных экзистенциальных ролях мужчины — добытчика, защитника, верного мужа, заботливого отца и т.д. Но это отдельная, весьма чувствительная с точки зрения политкорректности тема.

Следующим уровнем «приземления» родовой идентичности выступает поколенческая идентичность. В исследовании феномена она не самый востребованный элемент, хотя латентно фигурирует во многих проектах, посвященных молодежи, пожилым людям и т.д. Считается, что это не столь значимый фактор, как, например, религиозная или этническая идентичности. На наш взгляд, такая установка недооценивает ситуацию. Действительно, религиозность, особенно этничность, впитываются, что называется, с молоком матери. Вместе с тем надо иметь в виду: в рассматриваемом случае речь идет о том, что поколенческая идентичность толкует о жизненном пути индивида. А планирование жизненного пути для ответственной личности — фундаментальная задача, значимость которой многие люди осознают далеко не сразу («Если бы молодость знала, если бы старость могла»). Что не отменяет ее судьбоносного характера.

Поколенческая идентичность органически связана с семейно-родственной идентичностью. Понятно, что в данном случае индивид делает акцент на позиционировании своей приверженности семейным ценностям (отношения с родителями, рождение и воспитание детей, существующие взаимоотношения с родственниками). Важную специфику в маркировке ролевых предписаний и статусов несут культурно-исторические особенности институтов семьи и брака в различные эпохи. Следует также отдавать себе отчет, что семейная идентичность влияет на родовую, а также гендерную идентичность, поскольку в рассматриваемом случае речь идет о механизмах воспроизводства рода.

Одна из сложнейших проблем рассматриваемой темы — религиозная идентичность. Под последней обычно понимают форму коллективного и индивидуального самосознания, построенную на осознании принадлежности к определенной религии и формирующую представление о себе и мире посредством религиозных догм и обрядов (практик). Выполняемые в рамках данного конструкта ролевые предписания диктуются положениями вероучения, а статус (права и обязанности) также определяются нормами вероучения; вместе с тем немаловажное

Лоуренс Альма-Тадема

Праздник урожая.
1880

Ганс Бальдунг
Три возраста
человека и Смерть.
1540–1543

значение имеет место, которое занимает институт религии (церкви) в данных обществе или культуре.

Религиозная идентичность является древнейшим образованием в интеллектуальной истории человечества. Приверженность к тем или иным религиозным представлениям демонстрировалась людьми задолго до эпохи модерна. Впрочем, приверженность тем или иным ценностям можно отождествлять с идентичностью лишь частично. Религиозные установки служили органичным элементом мира повседневности, переживались как регулятивы деятельности в самых разных сферах. Словом, позиционировать свою принадлежность к религиозной общине не было необходимости (разве что во времена религиозных войн).

Дело, однако, в том, что логическое и историческое в случае с религиозной идентичностью не совпадают. Исторически религиозное мировоззрение несколько тысячелетий было единственным мировоззренческим конструктом. Соответственно он по праву (то есть исторически и логически) занимал центральное место в родовой идентичности (опять же с поправкой на то обстоятельство, что идея идентичности сформировалась в эпоху модерна). С сужением пространства распространения религиозного сознания и ростом влияния мировоззрения, основанного на достижении науки [см., напр.: 12, с. 31–95], ситуация принципиально изменилась; вопрос «Что есть человек» получил новый, по сравнению с религиозным, ответ. В рамках религиозной идентичности ответ по-прежнему известен. Но поскольку религиозная идентичность во все большей мере стала зависеть от ме-

ста института церкви в обществе, ролевые предписания и статус в современном обществе рассматриваемого феномена по сравнению, скажем, со Средневековьем существенно трансформировались.

Значимость религиозной идентичности велика. Вместе с тем ее влияние на другие формы идентичности изменилось: в сфере семейной, этнической идентичности (о ней речь пойдет ниже)

религиозные моменты во многом сохраняют свои позиции, в области гражданской, профессиональной идентичности (о них так же далее) практически влияние сошло на нет. Впрочем, многое здесь зависит от региональных культурных традиций.

Национальная идентичность. В рассматриваемой проблеме есть два важных аспекта: связь национальной идентичности с национальным самосознанием и источники ее формирования. Примечательно, что национальная идентичность — пожалуй, единственный феномен, который образует ядро мировоззрения (национального самосознания). Скажем, политическое сознание формируется из политических теорий, целей общественных деятелей, политических программ, политической культуры граждан и т.д. Приверженность людей к определенным движениям, идеологии, то есть то, что называется идентичностью, — это производное от декларируемых партиями теорий, программ, установок. Ядром национального сознания является этническая идентичность; под нее «затачиваются» труды историков и политиков, разрабатываются национальные проекты и т.п.

Что касается источников формирования национальной идентичности, то преобладает точка зрения о примордиальном характере рассматриваемого феномена. Вместе с тем подобный подход вызывает ряд законных вопросов. В чем заключается природная «этничность»? Если нации, во всяком случае европейские, — продукт модерна, существуют ли принципиальные различия между нацией и этническими сообществами меньшего масштаба (племя, народность)? Дополнительно масло в огонь подлила современная генетика⁷. Оказалось, что по некоторым параметрам различия между этносами существеннее, чем между расами [7, с. 20–37]. О ролевых предписаниях и статусах, задаваемых рассматриваемым конструктом, написано более чем достаточно: стоит только набить в поисковике *патриотизм, национализм, шовинизм*. Если взглянуть на проблему в академическом контексте, то национальная идентичность более тяготеет к родовой идентичности. Непосредственно граничащая с ней гражданская идентичность более политически ангажирована.

Гражданская идентичность определяется как осознание принадлежности к сообществу граждан того или иного государства. Поскольку в данном случае мы вторгаемся в сферу политики, часто при анализе темы употребляются слова *образ родины, патриотизм, лояльность/конформизм* и т.п. При положительной трактовке феномена используется обозначенный ряд примеров, за исключением конформизма. Неприятие последнего патриотами по принципиальным соображениям имеет давнюю традицию. Достаточно вспомнить часто цитируемые слова П.Я. Чаадаева: «Я не научился любить свою родину с закрытыми глазами,

⁷ Один из постулатов о примордиальном характере нации предполагает, что этничность — генетически присущее качество.

со склоненной головой, с запертыми устами. Я нахожу, что человек может быть полезен своей стране только в том случае, если хорошо понимает ее; я думаю, что время слепых влюбленностей прошло, что теперь мы, прежде всего, обязаны Родине истиной».

Гражданская идентичность артикулирует потребность индивида в Родине (большой и малой), желание чувствовать себя *укорененным* в каком-то культурно-историческом пространстве, чувствовать свою сопричастность роду человеческому здесь и теперь. Наличие обстоятельств могут индивиду не нравиться, он может сожалеть о прошлом, но изжить чувство укорененности практически невозможно, разве что превратиться в манкурта. Если абстрагироваться от политической конъюнктуры, гражданская идентичность играет важную роль в формировании человеческой природы. Что касается обязательных для идентичности ролевых предписаний и статуса, то они в данном случае практически совпадают: любить Родину невозможно, не ощущая своей укорененности в данном культурном пространстве.

Профессиональная идентичность — пожалуй, самая детально описанная из перечисленных. В качестве синонима термина используют слова *трудовая, экономическая* (второе реже). Дело не столько в некоторой неопределенности маркируемой сферы. Проблема в том, что творчески преобразующая деятельность, под которой в идеале понимается труд, в конечном итоге превращает человека в *артефакт*, то есть в искусственно созданную субстанцию. «...Истинной представляется революционная, преобразующая природу из естественного факта в искусственный артефакт, изменяющая мир деятельность» [8, с. 6]. Далее. Вышеперечисленные идентичности призваны сохранять *status quo*, то есть принадлежность к определенной группе. Рассматриваемый феномен фиксирует, что деятельностная личность принимает принципиально иную конфигурацию — становится артефактом.

С 1970-х годов, когда была разработана концепция аутопоэзиса, творчески преобразующая активность приобрела новое, дополнительное звучание самовоспроизводства, репликации человеческой природы. Наконец, проблемным остается еще одно обстоятельство. Как известно, на каком-то этапе истории способность к труду вызвала разделение труда, что явилось фактором возникновения частной собственности, а далее по списку: эксплуатация, отчуждение и т.д.

Вместе с тем труд рассматривается не только фундаментальной жизненной потребностью, но и важнейшей ценностью. С точки зрения современной социологии труда это терминальная, то есть конечная, ценность в отличие от инструментальных (текущих) [6, с. 82–91]. Ценностный аспект трудовой деятельности на рубеже веков обрел дополнительную институциональную значимость. Это связано с повсеместным распространением корпоративной этики, профессиональных этических кодексов.

Последние следует рассматривать как образцы профессиональной идентичности, в том числе составляющих ее ролевых предписаний и статусов.

Завершает предлагаемую систему экзистенциально-рекреационная идентичность. Насколько мне известно, в литературе специальный конструкт, отражающий *степень самоотождествления индивида в области установок, связанных со сферой досуга, отдыха, свободного времени, праздников*, не выделяется. Между тем это важнейшая сфера жизненного мира человека. Здесь не только реализуются потребности и способности, не получившие по тем или иным причинам признания в профессиональной области. С точки зрения упомянутого выше аутопоззиса, это самостоятельная и значимая для личности область самовоспроизводства, органический элемент человеческой природы, что и нашло отражение в характеристике «рекреационная».

Наталья
Гончарова
Тульская
крестьянка. 1910

* * *

И, в заключение, вернемся к началу статьи. В философии принято различать «модус» и «атрибут». Первое понятие обозначает свойство предмета, присущее ему только в некоторых состояниях и зависящее от окружения предмета и тех связей, в которых он находится. Модус противопоставляется атрибуту — неотъемлемому свойству предмета, без которого он не может ни существовать, ни мыслиться. В предлагаемой работе речь идет не только о формально-логических различиях, но и о содержательных моментах. В начале статьи мы утверждали, что идентичность — продукт модерна, в единичной форме (инициация) присутствовала в древних обществах, то есть никак не является атрибутом человеческой природы. В интеллектуальной истории человека нет достоверных свидетельств того, что идентичность была одним из механизмов поведения человека. Да, существует древняя наскальная живопись, которая изображает охоту первобытных людей на животных, то есть фиксирует факт осознания первыми отличия от вторых. Но от этого факта, скажем, до сознательных форм коммуникации — импринтинга, эмпатии, комплиментарности, альтруизма, партиципации (сопричастности),

то есть позитивного включения в свою орбиту Другого как первого шага конструирования идентичности, — дистанция огромного размера.

И все-таки рискну предположить: если у человека и есть какая-то сохраняющаяся при всех исторических изменениях «сущность» или «идентичность», то постановка представителем вида *Ното* вопроса «Что есть человек?» означала рубеж, разделяющий предчеловеческое существо от существа, наделенного человеческой природой, переход от смутных самообразов, рождаемых при взгляде на окружающих, к практике операции над самими образами, что предполагает, как минимум, наличие языка.

Литература

1. Бернс Р. Развитие Я-концепции и воспитание / под ред. В.Я. Пилиповского. М.: Прогресс. 1986.
2. Кант И. Собр. соч.: в 6 т. Т. 6. М.: Мысль. 1972.
3. Лиотар Ж.-Ф. Постмодерн в изложении для детей: Письма: 1982–1985 / пер. с франц. А.В. Гараджи. М.: Рос. гуманит. ун-т, 2008.
4. Мануильский М.А. Архитектоника идентичности // Человек. 2018. № 4. С. 32–42.
5. Симонова О.А. К формированию социологии идентичности // Социол. журн. 2008. № 3. С. 45–61.
6. Темницкий А.Л. Соотношение терминальных и инструментальных ориентаций на труд работающего населения России (сравнительный анализ) // Социол. журн. 2017. Т. 23, № 3. С. 82–91.
7. Тетушкин Е.Я. О месте человека в царстве животных // Человек. 2018. № 1. С. 20–37.
8. Тищенко П.Д. «Что такое человек?» Ответы Бориса Григорьевича Юдина // Человек. 2018. № 5. С. 5–17.
9. Тишков В.А. Российский народ: история и смысл национального самосознания. М.: Наука, 2013.
10. Труфанова Е.О. Личностная идентичность как инвариант знания индивида о себе // Знание как предмет эпистемологии. М.: ИФ РАН, 2011. С. 169–188.
11. Тхагапсоев Х.Г., Мосолова Л.М., Леонов И.В., Соловьева В.Л. Идентичность как навигатор сознания. СПб.: Астерион, 2016.
12. Шелер М. Положение человека в Космосе // Проблема человека в западной философии. М.: Прогресс, 1988. С. 31–95.
13. Ядов В.А. Современная теоретическая социология как концептуальная база исследования российских трансформаций: Курс лекций. СПб.: Интерсоцис, 2006.

PhD of Philosophical Sciences, Senior Research Fellow. Institute of Sociology RAS. 24/35, bl. 5 Krzhizhanovskogo Str., Moscow 117218, Russian Federation; e-mail: manuilskiy@mail.ru

Abstract. An attempt is made to consider the role of identity as an integral part of human nature. The basis for this is the fundamental ability of the person to think about her destiny. Identity is understood as a multi-component anthropological phenomenon organized according to a hierarchical principle. The system of elements reflects the person's life world and includes generic identity, gender (male/female), national (ethnic), confessional, generational, family-related, civil, professional (labor), and existential-creative. The main attention is paid to the boundary, 'butt' parameters of the elements and their coherence with the fundamental form — generic identity. The article deals with the insufficiently investigated aspects of generational identity (the idea of the life path as its core), civil identity (in the center of which is the need to feel rooted in a certain cultural and historical space), professional identity (the consequence of the transformative activity of a person is her transformation into an artifact), existential and creative identity, which is interpreted as a source of autopoiesis. It is concluded that the statement in the course of evolution by the representative of the species Homo the question of identity meant a boundary separating the pre-human being from the being endowed with human nature.

Keywords: human nature, identity, art Nouveau, artifact, autopoiesis, gender identity, hierarchy, life world

For citation: Manuilskiy M. A. Identity as a mode of human nature. *Chelovek*, 2019, Vol. 30, N 1, pp. 29–44. DOI: 10.31857/S023620070003020-9

References

1. Berns R. *Razvitie YA-kontseptsii i vospitanie* [The development of self-concept and education], ed. by V.Ya. Pilipovsky. Moscow: Progress Publ., 1986.
2. Kant I. *Sobranie sochinenij: v 6 t.* [Collected Works: in 6 vol.]. Vol. 6. Moscow: Mysl' Publ., 1972.
3. Lyotard J.-F. *Postmodern v izlozhenii dlya detei: Pis'ma: 1982–1985* [Postmodern in the presentation for children: Letters: 1982–1985], transl. from French by A.V. Garadzhi. Moscow: Russ. Humanit. Univ. Publ., 2008.
4. Manuilskiy M.A. Arhitektonika identichnosti [Architectonics of Identity]. *Chelovek*. 2018. N 4. P. 32–42.
5. Simonova O.A. K formirovaniyu sociologii identichnosti [To the formation of the sociology of identity]. *Sotsiologicheskii zhurnal*. 2008. N 3. P. 45–61.
6. Temnitskiy A.L. Sootnoshenie terminal'nykh i instrumental'nykh orientatsii na trud rabotayushchego naseleniya Rossii (sravnitel'nyi analiz) [The ratio of terminal and instrumental orientations to the labor of the working population of Russia (comparative analysis)]. *Sotsiologicheskii zhurnal*. 2017. Vol. 23, N 3. P. 82–91.
7. Tetushkin E.Ya. O meste cheloveka v tsarstve zivotnykh [The place of a man in the animal Kingdom]. *Chelovek*. 2018. N 1. P. 20–37.

8. Tishchenko P.D. “Chto takoe chelovek?” Otvety Borisa Grigor’evicha Yudina [“What is a man?” Boris Grigorievich Yudin’ s Answers]. *Chelovek*. 2018. N 5. P. 5–17.

9. Tishkov V.A. *Rossiiskii narod: istoriya i smysl natsional’nogo samosoznaniya* [The Russian people: history and meaning of national identity]. Moscow: Nauka Publ., 2013.

10. Trufanova E.O. Lichnostnaya identichnost’ kak invariant znaniya individa o sebe [Personal identity as an invariant of an individual’s knowledge about himself]. *Znanie kak predmet ehpistemologii* [Knowledge as a subject of epistemology]. Moscow: IF RAN Publ., 2011. P. 169–188.

11. Tkhagapsoev Kh.G., Mosolova L.M., Leonov I.V., Solovyova V.L. *Identichnost’ kak navigator soznaniya* [Identity as a navigator of consciousness]. St. Petersburg: Asterion Publ., 2016.

12. Scheler M. Polozhenie cheloveka v Kosmose [The Position of man in Space]. *Problema cheloveka v zapadnoj filosofii* [The problem of man in Western philosophy]. Moscow: Progress Publ., 1988. P. 31–95.

13. Yadov V.A. *Sovremennaya teoreticheskaya sotsiologiya kak kontseptual’naya baza issledovaniya rossiiskikh transformatsii: Kurs lektsii* [Modern theoretical sociology as a conceptual base of Russian transformations Study: Course of lectures]. St. Petersburg: Intersotsis Publ., 2006.